

Кино на подтанцовках

В Вильнюсе смотрят «Новый балтийский танец»

Коммерсантъ. — 2003. — 7 мая. — с. 14.

фестиваль танец

Тело танцовщика Теро Сааринена изображало то Лебедя, то киноэкран

В Вильнюсе открылся VII Международный фестиваль «Новый балтийский танец». В первый же вечер ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА насмотрелась кино и наслушалась пения.

Мультимедийность — давняя спутница современного танца. Особое значение она приобрела в последнее десятилетие, когда хореографы все с большим трудом высасывают из пальца еще небывалые движения, зато технические изобретения обрели небывалую изощренность. Разумеется, для полновесной «мультимедийности» требуются немалые средства. У сверхпопулярного финна Теро Сааринена они есть.

Этот успешный солист Национальной финской оперы лет десять назад отправился на Восток в поисках новых способов самовыражения. В Японии он изучал буюто, в Непале — старинные танцы. Самые продвинутые компании (израильская Batsheva Dance Company, Лионская опера, Нюрнбергский и Геттеборгский балет) наперебой заказывают ему постановки, влиятельные хореографы жаждут с ним работать, а сам скиталец основал труппу «Зубочистка» и стал колесить с ней по Европам с таким плотным графиком, что организаторы «Нового балтийского танца» охотились за ним четыре года, пока наконец не изловили. Тут, правда, выяснилось, что технические возможности Национального драмати-

ческого театра (основной площадки феста) не позволяют финну развернуться во всей красе — с новейшими постановками «Пульчинеллы» и «Петрушки». Так что литовцам пришлось довольствоваться уже известными моноспектаклями Теро Сааринена — «Человеком в комнате» в постановке американской финки Каролины Карлсон и его собственной «Охотой».

Почетному гостю предоставили право первого вечера и главную сцену. Для камерного «Человека» это оказалось фатальной ошибкой. Хореограф Каролин Карлсон, славная умением переводить в движения духовные смуты современного западного интеллигента, в этом спектакле постаралась отнестись к проблеме с юмором. Человек на середине пустой сцены зажат стенами воображаемой комнаты. Первое же движение — лихорадочно пульсирующее перетаптывания с ноги на ногу вперед-назад — исчерпывающие обозначают характер персонажа. Затравленный неуверенностью в себе и собственными амбициями творец-неудачник (территория творчества обозначена столом-мольбертом с высоким табуретом перед ним) ведет свой сбивчивый монолог под музыку Gavin Yuangs и группы «Апокалипсис». Инфантильная игра с мячиком. Трамплинные нелепые прыжки марионетки. Танцовщик

корчит рожи перед зеркалом-залом, упоенно разрисовывает собственное тело, жирно выдавливая краску из тюбика, на табурете-постаменте примеряет очередные штаны — как новые: художественные стили. Этот несчастный городской сумасшедший обретет достоинство, только потерпев окончательный крах: вспыхнет свет юпитеров, выстроенных в линию на заднике, сломленный клоун расправит скукоженные мышцы и растворится в его потоке. Но вся эта вполне русская история о маленьком человеке требовала маленького пространства, энергетика финна не хватило на огромный зал. Вместо тоскливых глаз доминировали мешочки жира на боках сорокалетнего танцовщика, душевное содержание пропало под изъемами физической формы.

Зато в «Охоте», очередной танцевальной истории жизни и смерти лебедя, которую Теро Сааринен положил на музыку «Весны священной» Игоря Стравинского, феерические ухищрения сценической техники не оставили и мига на разглядывание тела танцовщика. Пожалуй, это самая рискованная постановка Стравинского — вся мощь партитуры рухнула на одного человека. Первые, относительно букволинические картины Теро Сааринен исполняет в стиле буюто, что в общем-то совсем не ново:

так «Весну» ставили даже в России. Только в финской «Весне» на сцене нет места человеку. Изысканно замедленные движения рисуют пробивающиеся сквозь землю ростки, лопчущую скорлупу яйца, первые, еще корявые переползания птенца. Великолепен минималистский эпизод взросления: одна и та же комбинация — попытка встать с коленей на ноги — повторяется с возрастающей амплитудой и напряжением сил. Первая кульминация с участием пресловутой «мультимедийности»: свет меркнет, по бокам сцены вырастают исполинские тени, с колосников спускается облачное оперение — невероятная юбка, затейливо смятая в японской технике оригами. По юбке и заднику кружит, расширяясь, спираль света, спускаясь к мужчине-лебедю, молитвенно воздевшему руки к небесам. Вторая кульминация контрастна боготроительной первой: на лбу оперившегося Лебедя появляется пятнышко оптического прицела. Огромный эпизод, обозначенный Стравинским как «выбор жертвы», танцовщик неподвижно стоит посреди сцены. По его голому торсу и юбке с бешеной скоростью скачут сюрреалистические картинки, расплывающийся глаз трансформируется в оторванную младенческую ручку, носы пляшут вместе с пейзажами, серые полосы помех рассекают эти видения, как

меркнувшее сознание. Эта завораживающая красота гибели жизни оказалась бы отличным финалом. Но у Стравинского есть еще гигантская «Пляска избранницы». С колоссальным напряжением этой последней сцены хореограф не справился. Танцевальными судорогами подстреленного Лебедя ему удалось занять только часть музыки. Слегка поправил дело стробоскоп: благодаря его вспышкам Лебедь эффектно умер в полете: свет окончательно погас во время последнего прыжка танцовщика.

Потом на Малой сцене того же театра свой спектакль под незатейливым названием «Триптих» показала молодая английская хореографиня Лиза Торун. Уверяют, что недавно в туманном Альбионе она произвела натуральный фурор. Если так, то терпение англичан действительно не знает границ. Школярский опус этой отличницы растянулся на 80 минут. По юности лет и недостатку средств Лиза пока не обрела своего ангела-мультихранителя, поэтому довольствуется подручными средствами — мелодекламацией и пением. Текст был дик — что-то непременно необходимо достичь Луны. Зато у танцовщицы оказалось неожиданно мощное, прилично поставленное сопрано. Возможно, если бы девушка затанцевала на оперном фестивале, это произвело бы больший эффект.